

Е.В. Троценкова (Санкт-Петербург, Россия)

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Статья посвящена проблеме выбора адекватной методики изучения социокультурного знания как основы функционирования языковых средств. В ней рассматривается потенциал экспериментального моделирования ментальных репрезентаций, позволяющего учитывать как общие тенденции, так и индивидуальную / групповую вариативность знания, распределенного в определенном языковом сообществе. В качестве примера возможностей психолингвистических экспериментов в данной сфере обсуждаются результаты эксперимента на стереотипные ролевые ожидания с группой англоговорящих респондентов-американцев.

Ключевые слова: социокультурная ментальная репрезентация, психолингвистический эксперимент, моделирование распределенного знания, инвариант / вариативность, стереотипные ролевые ожидания.

Выбор методов исследования языковых структур в современной когнитивной лингвистике закономерно определяется представлениями исследователя о соотношении языка и мышления, а также об их роли в человеческой деятельности, интерперсональном взаимодействии, существенную часть которого составляет вербальная коммуникация. В связи с многообразием существующих подходов и – что, по-видимому, немаловажно – сбывающимся среди сторонников более традиционных лингвистических изысканий мнения о том, что когнитивные методы в сущности представляют собой старые, хорошо известные методы семантического анализа, всего лишь прошедшие своеобразный «ребрендинг», требуется, вероятно, обратить более пристальное внимание на этот вопрос. В этой ситуации необходимо, на наш взгляд, отчетливее сформулировать проблему соотношения индивидуального / социального, вариативного / инвариантного в отношении ментальных репрезентаций и их отражения в функционировании языковых средств. Теоретические решения в этой сфере позволят объяснить особенности избираемых исследовательских методик. Поэтому в настоящей статье мы предпримем попытку обозначить собственную позицию по указанному вопросу и показать, каким образом выбираемые нами методы сочетания психолингвистического эксперимента с дискурсивным анализом позволяют эффективно решать проблемы изучения социокультурных ментальных репрезентаций и их влияния

на используемые коммуникативные стратегии в общественном дискурсе.

Традиционная лингвистика, по крайней мере, если говорить об отечественной англистике, в большей степени интересовалась и продолжает заниматься языком в его социальном проявлении – разделяемыми языковым сообществом инвариантами, нежели языком в качестве продукта индивидуального сознания. Развившийся, наряду с формально-структуралистским, дискурсивный, лингвокультурологический, антропоцентрический подход не только не изменил, а скорее подчеркнул эту направленность исследований. При этом с точки зрения ориентации на текст, часто художественный, в качестве объекта исследования и выбора интроспективного анализа семантики на основе имеющихся у самого исследователя фоновых знаний данная традиция также демонстрирует значительную преемственность и целостность. Таким образом, семантические исследования в парадигме, направленной на социальный аспект языковых единиц, парадоксальным образом методологически всегда были ориентированы на индивидуальную установку: семантика языковых структур выводится как результат субъективной интерпретации исследователем текстов, причем полученные таким образом семантические ментальные модели в дальнейшем применяются для анализа этого же текстового материала. Похожая ситуация самонаблюдения как основы исследования в начале XX в. вызвала первый кризис в психологии; в лингвистике же, как нам представляется, справедливая критика в адрес тех когнитивных работ, которые наследуют методологические установки традиционных семантических исследований, возможно, есть как раз симптом уязвимости подобной стратегии исследования в целом.

Иную картину мы наблюдаем в отечественной психолингвистической традиции. Смещение фокуса внимания с текста как результата на процесс порождения и понимания речи, овладение и пользование языком, организацию ментального лексикона (достаточно обратиться к любому популярному учебнику по психолингвистике, например [Залевская 1999]) закономерно приводит к фокусу на субъективный аспект существования, функционирования языка в сознании говорящего индивида. В этом отношении психолингвистика скорее развивалась в русле интересов психологии, нежели традиционной лингвистики. Одновременно с этим были выбраны методы исследования, где центральное место занял психолингвистический эксперимент с относительно многочисленной группой респондентов – носителей соответст-

вующего языка (по вполне понятным причинам чаще всего русскоязычных). А именно он позволяет, в сущности, с большей объективностью выявлять социальный аспект языковых единиц, коллективную основу их функционирования в процессах взаимодействия. Работа с респондентами несет в себе тот потенциал экспериментального моделирования ментальных репрезентаций, который оказался мало востребован в психолингвистике в связи с выбором иного объекта исследования, а в традиционной лингвистике в связи с приверженностью иным методологическим установкам.

Изучение когнитивных ментальных репрезентаций в западной традиции в последнее время зачастую подвергается критике в связи с недостаточным учетом социального аспекта как их формирования, так и функционирования. Как отмечает Р. Д'Андрад, наша преобладающая индивидуалистическая традиция не позволяет нам заметить, насколько важно социальное окружение для поддержания внутренних систем, управляющих нашими действиями в рабочем состоянии. Вполне может статься, пишет он, что большинство целей потеряло бы свою мотивационную силу без поддержки со стороны значимых других [D'Andrade 1995: 243]. Участие индивидов в совместной деятельности в рамках некой социокультурной общности все чаще представляется как краеугольный камень в формировании специфически человеческих когнитивных структур.

Для М. Томаселло, например, феномен совместного внимания у детей представляет собой онтогенетическое проявление уникальной, специфически человеческой социокогнитивной адаптации, позволяющей им идентифицировать себя с представителями собственного вида и воспринимать их как интенциональных субъектов, подобных самому себе. Важной предпосылкой для развития подобной адаптации он считает не только биологические условия (отсутствующие, например, при аутизме), но и наличие в распоряжении отдельного субъекта насыщенной культурной среды. Именно тот факт, что человек вырастает в культурном мире – при условии наличия у него «социокогнитивного ключа» к кумулятивным продуктам культуры, т.е. соответствующих нейрофизиологических предпосылок у здорового индивида – приводит к появлению уникальных форм когнитивной репрезентации. Особая роль в данном процессе отводится языку. Лингвистические символы, по мнению данного исследователя, представляют собой особенно важные символические артефакты, поскольку они воплощают в себе то, как предыдущие поколения данной социальной группы предпочитали

категоризировать и конструировать окружающий мир ради целей interpersonal communication [Tomasello 1999: 7-8].

Тот факт, что языковые единицы, наряду с материальными культурными артефактами, иными символическими системами, ритуалами, нормами, ценностями и т.д., выступают как один из важнейших элементов культуры, заставляет обратить внимание на два аспекта. Во-первых, на соотношение языковой семантики и когнитивных ментальных репрезентаций как части и целого: все семантическое когнитивно, но не все когнитивное семанлично. Задачи продуктивного изучения человеческой коммуникативной деятельности, таким образом, требуют от когнитивной лингвистики более инклюзивных ментальных моделей, а следовательно, более сложного объекта изучения, чем от традиционной семантики. Во-вторых, следует подчеркнуть постоянно присущее языковым единицам динамическое напряжение между субъективным, индивидуальным форматом существования – в форме ментальных репрезентаций в сознании отдельного носителя, с одной стороны, и социальным, объективным – в форме распределенной внутри некоего социокультурного сообщества практики, обеспечивающей его согласованность и возможность взаимопонимания и эффективного взаимодействия, с другой.

В этом отношении для изучения языка справедливо замечание Р. Д'Андрادا о проблеме исследования культуры в целом: необходимо создать теорию, которая объяснила бы, каким образом культура может одновременно быть частично разделяемой членами общества и частично разнообразной, частично оспариваемой и частично принимаемой, частично изменяющейся и частично постоянной [D'Andrade 1995: 147]. Данный автор рассуждает о двойственности явления культурной вариативности. С одной стороны, существует необходимость своеобразного разделения труда относительно того, кто что знает в рамках сообщества, и потому что объем знаний слишком велик, для того чтобы его мог охватить один человек, и потому что независимость в том, кто что знает, способствует уменьшению предвзятости подтверждения (confirmation bias), а следовательно, потенциально обеспечивает лучшее принятие решений. Сложность процесса культурной трансмиссии и формирование различных подгрупп внутри одной культурной группы также создают вариативность. С другой стороны, этим дисперсионным силам противостоят силы, создающие консенсус, такие как необходимость в эффективной коммуникации и совместном использова-

нии накопленных знаний и опыта. В результате культурное наследие имеет тенденцию делиться на части – одна часть его представляет собой консенсусный код, который, как ожидается, разделяется всеми членами культурного сообщества, а другая часть включает в себя большое число различных распределенных систем знания [D'Andrade 1995: 216].

Ф. Шарифиан [Sharifian 2011: 4-5] предлагает описывать данную ситуацию в культуре, пользуясь аналогией с коннекционистской теорией распределенной репрезентации МакКлелланда, Румельхарта [Rumelhart, McClelland 1987], созданной как модель репрезентации концепта в индивидуальном сознании. Не станем вдаваться подробно в критику того, насколько удачен подобный перенос на модель, где узлами сети выступают такие сложные системы как человек – представитель определенной культуры. Скажем лишь, что в общем виде идея представить культурные схемы в духе витгенштейновского семейного сходства как сеть репрезентаций, распределенных по сознаниям представителей некоего культурного сообщества достаточно удачна. Мы, впрочем, предложили бы распространить это не только на сознание, но и на внешнее окружение из материальных культурных артефактов, роль которого довольно убедительно рассматривается в ряде работ [Hutchins 1995; Clark, Chalmers 1998]. Согласно Ф. Шарифиану, сознания отдельных членов социума составляют сеть, не разделяя в равной степени все элементы существующих культурных схем, и ни одно сознание не является носителем всех элементов схемы. При этом члены культурной группы, разделяющие некоторые элементы одной схемы, могут также разделять элементы других культурных схем с другими членами, таким образом, образуя сложную систему частично пересекающихся элементов культурного знания, носителями которого они являются. Само же это знание оказывается распределенным внутри сообщества, допуская при этом значительную индивидуальную/групповую вариативность и оказываясь основой частичного взаимопонимания в коммуникации [Sharifian 2011: 6-7]. Таким образом, «сквозные», абсолютно общие для всех членов культурного сообщества знания – консенсусный культурный инвариант – могут и вовсе отсутствовать, не приводя при этом к нарушению единства культуры как целого. Витгенштейновская метафора веревки, прочной потому, что многие волокна переплетаются друг с другом, а не потому, что какое-то одно волокно проходит по всей ее длине [Витгенштейн 1985: 109], кажется, хорошо

описывает эту ситуацию. Речь может идти об элементах когнитивных структур разделяемых в большей или меньшей степени более или менее многочисленными подгруппами внутри одного социокультурного сообщества.

Языковые формы при таком понимании культуры выполняют двоякую функцию, что, на наш взгляд, должно отражаться и на выборе методики их исследования. С одной стороны – и этот аспект в большей степени почва знакомая традиционным семантическим исследованиям – как средство символизации язык отражает особенности концептуализации мира конкретным сообществом. Более того, в отношении социокультурных феноменов, в отличие от физических, он выступает не только как способ их описания, но и непосредственно участвует в их формировании [Трощенкова 2011: 53-58]. В любом случае, именно эту декларативную часть знаний, передаваемых языком, принято изучать как языковую семантику. С другой стороны, как одно из средств трансляции культуры в процессах коллективного взаимодействия язык потенциально способен, при определенных условиях, помочь в изучении тех компонентов знания, которые при обычной коммуникации остаются преимущественно невербализованными. Это касается как части декларативного знания, например, скрытых категорий в народных таксономиях [D'Andrade 1995: 94, 97], так и процедурного знания. Использование языка для этих целей, наряду с непосредственным наблюдением, когда работа с представителями социокультурной общности ведется таким образом, чтобы косвенно, через опрос получить данные о некоторых элементах имеющегося у них знания, – это методика, обсуждавшаяся еще Ф. Боасом и активно применяемая в антропологических исследованиях [Boas 1964: 17, 22]. Психолингвистический эксперимент с носителями языка, особым образом подготовленный, может эффективно служить именно этим целям, позволяя моделировать большой объем и разнообразие типов релевантных фоновых знаний, оказывающихся актуальными для членов сообщества в процессах взаимодействия, в том числе и коммуникативного.

Приведем пример, иллюстрирующий эти возможности психолингвистических экспериментов как инструмента, который позволяет одновременно представить вариативность индивидуальных / групповых представлений членов языкового сообщества о некотором явлении и оценить степень и конфигурацию пересечения этих представлений, создающих культурную целостность в данной области. В качестве та-

кого примера мы предлагаем рассмотреть часть результатов проведенного нами эксперимента с англоговорящими американцами, направленного на изучение стереотипных ролевых ожиданий как существенной части социокультурного знания, влияющего на аргументативно-манипулятивные стратегии в процессах коммуникации. Всего в эксперименте участвовало 55 респондентов, которым предлагалось продолжить предложения трех типов (1. *X should...*; 2. *X shouldn't...*; 3. *Usually X...*) на 13 типов социальных ролей.

Проанализируем реакции, полученные на стимул «*Usually US citizens...*», отражающие ожидания респондентов относительно стандартного исполнения роли, в данном случае касательно собственной группы, поскольку все респонденты являются гражданами США. Большая часть ответов – 80 % – оказываются оценочно нагруженными, при этом демонстрируя тенденцию к критическому отношению: 49 % реакций с отрицательной оценкой против 31 % – с положительной. Целый ряд ответов представляет собой набор противоположных по содержанию утверждений, явно противоречащих идее культурного инварианта стереотипных ожиданий, который разделялся бы всеми представителями сообщества. Например, *Usually US citizens: are good and fairly accepting individuals – hate and discriminate; appreciate their heritage – don't know who they are (i.e. root, personality); are open-minded – could be more open-minded.*

Интересно при этом, что учет гендерного фактора в анализе оценочной составляющей данных ролевых ожиданий позволяет отметить большую степень согласованности мнений внутри подгрупп, выделенных по этому признаку. Несмотря на то, что общий перевес в пользу негативных оценок одинаков для обеих гендерных групп (что можно рассматривать как консенсусную тенденцию), мужчины все же чаще отмечают положительные аспекты в том, каков, на их взгляд, среднестатистический американский гражданин. Женщины, напротив, менее оптимистичны в своих оценках. При расчете, исходя из всех реакций, полученных от мужчин, выясняется, что 39 % из них содержат положительную оценку, 43 % – отрицательную. В то время как лишь 25 % от всех женских реакций положительны, а 53 % негативно окрашены.

Продолжения предложения *Usually US citizens...**

Тип ответа	Ответы респондентов	Кол-во ответов
Positive	are generous people; are generous; help people; are friendly and naive; are good and fairly accepting individuals; are lenient in accepting other's beliefs; are open-minded (M1/F6) are proud to be US citizens; are proud of their nationality; are proud to be Americans; believe in America; are very patriotic (M4/F1) are successful; feel entitled to everything (M2/F0) are thankful for the rights and freedoms they have (M0/F1) appreciate their heritage (M1/F0) are pretty neat! (M1/F0)	17
Negative	are not familiar with other nations/regions of the world; are ignorant about the outside world; are too secluded; hate non-Americans; do not travel (M1/F4) are poorly educated; are ignorant; are hopelessly stupid; are dumb; are misinformed (M0/F5) consider their nation to be an exception to international laws; do not take the rest of the world into account (M1/F1) do not participate in government; are apathetic to their civic duties; are fat and lazy and complain; are lazy and apathetic; don't care (M3/F2) don't know who they are (i.e. root, personality) (M0/F1) could be more open-minded (M1/F0) pursue their own self-interest; act in their own self-interest rather than the interests of a broader cohort or the nation itself; are very concerned about their comfortable life (M2/F1) are loud (M0/F1) can be pushy (M0/F1) consume too much (M1/F0) hate and discriminate; are arguing with one another (M1/F1)	27
Neutral/ Avoid stereotyping	are extremely different from one another; are interested in many things are a mixture of both mentioned above [caring for others and their country and hating other nationalities and being closed-minded]; are from USA; live in America; are alive; should be required to speak English; vote; enjoy science fiction; No answer (M5/F6)	11

* В скобках приводится количество ответов респондентов мужчин (M) и женщин (F).

Из таблицы 1 видно, что мужчины предпочитают подчеркивать успешность и гордость за свою страну среди положительных характеристик американцев, а женщины доброжелательность и толерантность. При этом исключительно женщины крайне критично оценивают уровень образования и интеллекта американцев, и именно они главным образом подчеркивают их изолированность от остального мира и слабое представление о других странах.

Одновременно с этим можно наблюдать и области частичного совпадения во мнениях. Особенно это заметно в сфере критического автостереотипного отношения к тому, насколько американцы как граждане выполняют свои обязанности активно участвовать в общественно-политической жизни страны – один из важнейших компонентов положительного идеала ролевых ожиданий к гражданину (согласно ответам респондентов на стимул «*US citizens should...*»).

Мы анализировали коммуникативные стратегии, используемые читателями американской прессы, оставляющими свои комментарии к статьям он-лайн. Наш анализ позволяет сделать вывод о том, что стереотипные ролевые ожидания, в частности мнения относительно того, каким должен или не должен быть, как должен или не должен поступать в тех или иных ситуациях американский гражданин, часто являются основой аргументации и попыток влиять на позицию остальных читателей по конкретным вопросам политики и общественной жизни. Спектр индивидуальных мнений по конкретному отдельному вопросу среди комментариев, число которых по наиболее актуальным проблемам может достигать нескольких тысяч, оказывается, удобно рассматривать именно с учетом модели соответствующих социокультурных ментальных репрезентаций, построенной в результате предварительных психолингвистических экспериментов. Дискурсивный анализ конкретных коммуникативных стратегий в этом случае опирается на данные, показывающие как объединяющие, так и дисперсионные внутрикультурные тенденции.

В сущности, дискурсивный анализ инокультурных для исследователя текстов без подобной модели, в силу высокой вероятности интерференции со стороны собственной культуры, оказывается затрудненным. Однако и в случае изучения собственной культуры – как раз по причине наблюдающейся высокой вариативности в соответствующих ментальных репрезентациях – экспериментальная модель позволяет

эффективно прогнозировать имеющиеся сходства / различия, точки соприкосновения и противостояния различных подгрупп, проецируя их на коммуникативные стратегии, которые используются членами языкового сообщества в конкретных текстах. Таким образом, получение экспериментальным путем своеобразного динамического когнитивного «портрета» определенного социокультурного сообщества позволяет продуктивно оценить потенциал воздействия тех или иных средств с учетом вариаций ментальных репрезентаций адресатов.

Литература

- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 79-128.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Троценкова Е.В. Вариативность значения и психолингвистический подход в изучении социокультурных ментальных репрезентаций // Лингвистические чтения: материалы междунар. науч.-практич. конф. 12 февраля 2011 г. Цикл 7. Пермь: Прикамский социальный институт, 2011. С. 53-58.
- Boas F. Linguistics and Ethnology // Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology / ed. by D. Hell Harper & Row, Publishers. N.Y., Evanston and L., 1964. P. 15-26.
- Clark A., Chalmers D.J. The Extended Mind // Analysis 58. 1998. P. 10-23.
- D'Andrade R. The Development of Cognitive Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Rumelhart D.E., McClelland J.L. and the PDP Research Group Parallel Distributed Processing. Explorations in the Microstructure of Cognition. Vol 1. Foundations. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts; L., England, 1987.
- Sharifian F. Cultural Conceptualizations and Language. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.
- Tomasello M. The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge, L.: Harvard University Press, 1999.